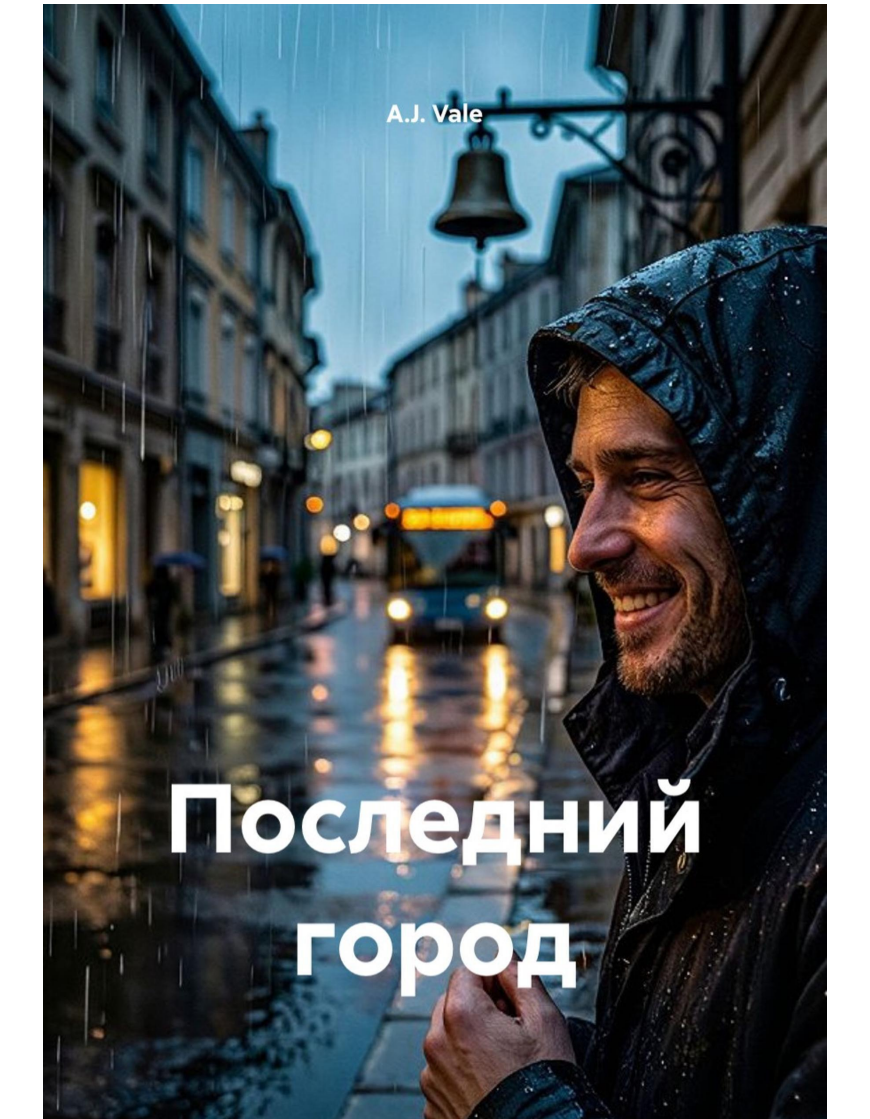

A man with a beard, wearing a dark hooded raincoat, is smiling and looking towards the left. He is standing on a wet cobblestone street in a European city during a rainstorm. In the background, there are historic buildings, a street lamp with a bell, and a tram with its headlights on. The rain is visible as vertical streaks across the entire image.

A.J. Vale

Последний город

A.J. Vale

Последний город

<https://litres.ru/74698654>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он улыбнулся. Снаружи Сен-Верон оставался обычным городом. Автобус проехал по луже. Кто-то крикнул водителю службы доставки. Портовый колокол прозвенел в нужное время. Во всем этом не было ничего чудесного, и именно поэтому это имело значение.

A.J. Vale

Последний город

ПОСЛЕДНИЙ ГОРОД

Роман А. Дж. Вейла

РАСШИРЕННОЕ ИЗДАНИЕ — РАБОЧАЯ РУКОПИСЬ

Часть I: Сигнал

Выпуск 1: Главы 1–4

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ГОЛОС В 03:17

В 03:17 все часы в квартире Адриана Вейла остановились.

Он знал, который час, потому что не спал и потому что уже тринадцать лет просыпался в этот час. Он пробовал снотворное, долгие прогулки, тёплое молоко, холодный душ, психотерапевта, который говорил тихо, и второго психотерапевта, который совсем не говорил тихо. Он пытался на год уехать из Сен-Верона, а потом вернуться, словно город мог измениться за время его отсутствия. Он пытался притворяться, что 03:17 — всего лишь цифры на часах.

Ничего не помогло.

Дождь начался вскоре после полуночи и мерно барабанил по окнам его квартиры на третьем этаже с настойчивостью человека, которому велели ждать снаружи. За стеклом в темноте лежал Сен-Верон: узкие улицы блестели под фонарями, старые фасады теснились друг к другу, портовые краны вы-

сились на фоне облаков, словно чёрные скелеты. Из кухни Адриана моря не было видно, но, когда ветер поворачивал на север, он чувствовал его запах. Соль, мокрый камень, дизель от рыбацких лодок. Море всегда было частью города, даже в комнатах вдали от воды.

Он сидел за кухонным столом, разложив перед собой архитектурные чертежи. Проект был самым обычным — переоборудование бывшего текстильного склада в жилые квартиры с общественным внутренним двором и садом на крыше, которым зимой никто не станет пользоваться. Он нарисовал одну и ту же лестницу уже в четвёртый раз, но она ему всё равно не нравилась. Карандаш лежал у него между пальцами, и он так сильно прижимал его к бумаге, что проткнул её.

Заказчик хотел стеклянные ограждения, светлую древесину и вестибюль, который выглядел бы дорого, но не напояказ. На полях Адриан написал три замечания: *больше света*, *меньше мёртвого пространства*, *спросить о фундаменте*. Последнее замечание он обвёл дважды. Он научился не доверять всему, что построено на земле, которой не видит.

Телефон загорелся: пришло сообщение от Клэр Моро, отправленное в 01:42.

Ты ещё не спишь?

Он набрал *Да*, а потом стёр. Набрал *Что случилось?*, а потом стёр и это. Клэр умела задавать вопросы, которые казались случайными, пока не понимал, что она уже замети-

ла ответ. Они познакомились полгода назад, когда она брала у него интервью о городских дамбах. Она пришла к нему в офис с диктофоном, блокнотом и плащом, с которого капала вода на пол. Интервью длилось двадцать минут. Спор после него — два часа.

Она считала, что Сен-Верон незаметно переписывает собственную историю. Он считал, что она путает халатность чиновников с заговором. Она спросила, почему на старейших картах города обозначены улицы, которых больше не существует. Он ответил, что улицы сносят каждый день. Она спросила, почему не сохранились документы о сносе. Он сказал, что в старых муниципальных учреждениях теряются документы. Она улыбнулась без веселья и сказала: «Ты отлично умеешь придумывать объяснения, которые позволяют тебе ни на что не смотреть».

Он не разговаривал с ней одиннадцать дней. И заметил каждый из них.

Он положил телефон экраном вниз.

Затем перестал гудеть холодильник.

Адриан поднял голову.

Наступившая тишина не была полной. Дождь всё ещё стучал по окну. Где-то в стене постукивала труба. С улицы доносилось далёкое шипение проезжавшей машины. И всё же казалось, что эти звуки отдалились от него, будто между ними пролегло расстояние, которого мгновение назад в комнате не было.

Часы над плитой показывали 03:17.

На цифровом дисплее микроволновки было 03:17.

Телефон, лежавший рядом с чертежами, один раз завибрировал. Когда он перевернул его, на экране было 03:17, а сигнала не было.

Он медленно поднялся. В квартире стояла странная, спёртая тишина, словно кто-то закрыл дверь от внешнего мира. Он подошёл к кухонной полке, где между надщербленной кружкой и банкой с россыпью винтов стоял старый чёрный радиоприёмник.

Он не пользовался им много лет.

Отец купил этот радиоприёмник, когда Адриан был ребёнком, ещё в те времена, когда порт передавал сводки погоды и сообщения для судов на отдельной частоте. Дэниел Вейл любил механизмы, которые можно было починить отвёрткой. Он не доверял всему, что было запаяно в пластик. Когда радио ломалось, он разбирал его на кухонном столе, аккуратно выкладывал винты в ряд и объяснял детям назначение каждой детали. Елена слушала примерно три минуты, а потом спрашивала, может ли радио ловить призраков.

Дэниел рассмеялся. Адриан помнил этот смех яснее, чем слова, сказанные после.

Он снял радио с полки. Оно оказалось тяжелее, чем он ожидал; корпус холодил ладони. Ручка настройки не поддавалась большому пальцу. Он включил радио.

Ничего.

Он стал менять частоту: сперва послышался тихий шум помех, затем — тонкое, далёкое бормотание станции с другого берега. Он повернул ручку назад, пытаясь найти порттовую частоту. Стрелка дрожала на незнакомой ему частоте.

Внутри радио щёлкнуло.

Затем женщина вдохнула.

Адриан перестал дышать.

«Адриан?»

Голос был тихим и надтреснутым, словно прошёл через мили мокрых проводов. Но он узнал его. Узнал лёгкую восходящую интонацию в конце своего имени, нетерпение, звучащее в дыхании, то, как смягчался второй слог.

Елена.

Он слишком поспешно поставил радио на стол. Корпус с треском ударился о дерево.

«Нет», — сказал он.

Помехи усилились. Под ними что-то отбивало ровный ритм: три удара, пауза, затем ещё три. Адриан устался на решётку динамика. Тринадцать лет он старался не слышать голос сестры в толпе, во сне, в паузе между закипанием чайника и его выключением. Это была не память. Память не звучит из радиоприёмника, если его шнур питания не вставлен в розетку.

«Адриан, если ты меня слышишь, не дай ему открыть это».

Он схватил радио обеими руками. «Елена?»

Вздых. Треск. Где-то на заднем плане — металлический стон, похожий на скрип корабля, разворачивающегося у причала.

«Послушай меня. Ты должен найти свет».

«Какой свет? Где ты?»

«Не тот, что над дверью. Тот, что снизу».

Он наклонился так близко, что чуть не коснулся лбом радио. «Елена, где ты?»

Послышался звук, похожий на смех, но оборвавшийся на полуслове. «Ты всегда задаёшь не тот вопрос».

На мгновение голос стал чётче, внезапно приблизился, сделался таким неоспоримо её, что тело отреагировало прежде, чем разум успел вмешаться. Его руки затряслись. Он увидел Елену в семнадцать лет: она ужасно криво подстригла себя ножницами и наклонилась над его столом, чтобы стащить карандаш. Увидел её в двенадцать: она стояла на дамбе, раскинув руки, словно могла удержать равновесие на самом горизонте. Он вспомнил последнюю ночь, когда видел её, тринадцать лет назад: она сказала, что вернётся до полуночи, а он назвал её лгуньей, потому что хотел заставить её остаться.

«Скажи, что случилось», — прошептал он.

«Пока нет».

«Где ты была?»

«Адриан...»

Сигнал сорвался в визг. Все лампочки на кухне вспыхну-

ли белым светом. Казалось, комната сжалась вокруг него. На миг он увидел кухню такой, какой она была, когда ему исполнилось шестнадцать: жёлтые занавески, миска с апельсинами, красный шарф матери, висевший на стуле. Затем видение исчезло, и он остался один с радио.

Из динамика донёсся второй голос. Мужской, пожилой, измученный.

«Не открывай ворота».

Адриан так резко отпрянул, что стул опрокинулся у него за спиной.

Голос заговорил снова, каждое слово обрывали помехи. «Что бы она ни сказала. Что бы ты ни увидел. Не открывай их».

«Кто это?»

Помехи стихли на полсекунды.

«Это ты».

Радио замолкло.

Адриан стоял на кухне и ждал, что мир объяснит происхождение. Часы по-прежнему показывали 03:17. Дождевые капли неподвижно застыли на оконном стекле. Снаружи проезжавшая машина остановилась посреди улицы, её фары замерли в мокрой темноте. Мужчина с зонтом стоял на противоположном тротуаре, подняв одну ногу, словно застыл на полушаге с бордюра.

Адриан подошёл к окну и коснулся стекла. Оно было холодным. Мужчина не двигался.

Затем часы разом щёлкнули и пошли дальше.

03:18.

Машина рванула по улице. Дождь снова побежал по стеклу. Мужчина сошёл с бордюра и скрылся за автобусной остановкой, не подозревая, что что-то произошло.

Адриан опустился на стул и прижал ладони к глазам. Он досчитал до десяти. Потом считал в обратном порядке. Проверил выключатель радио, батарейки, розетку. Батареек в радио не было. Розетка пустовала. Задняя панель держалась на двух винтах и полоске старого скотча. Никакого правдоподобного объяснения не было, а ведь он построил карьеру на правдоподобных объяснениях.

Он посмотрел на часы. 03:19.

На столе снова завибрировал телефон. Сообщение от Клэр.

Я кое-что нашла об Елене. Позвони, когда увидишь это.
Он немедленно позвонил. Включилась голосовая почта.
«Клэр, это Адриан. Перезвони мне. Сейчас же».

Он уже почти повесил трубку, но заставил себя продолжить. «Я её слышал. Я слышал Елену. Знаю, как это звучит, но я слышал её по радио. Она сказала что-то о свете под дверью. И ещё кто-то — кто-то, чей голос был похож на мой, — велел не открывать ворота. Позвони мне».

Он завершил звонок и уставился на телефон, смущённый звучанием собственного голоса. Он никому не рассказывал, что услышал в ту ночь, когда исчезла Елена. Ни полиции, ни

родителям, ни психотерапевту, который просил его описать чувство вины, которое он носил в себе. В шестнадцать лет он услышал три удара из-под пола маяка, а затем голос, доносившийся из темноты внизу. Он убеждал себя, что это ветер, прилив, труба — что угодно, только не голос. К утру Елена исчезла, и он стал единственным человеком в Сент-Вероне, кто помнил, что дверь маяка была заперта снаружи.

Он прошёл в гостиную и открыл нижний ящик письменного стола. Внутри лежал картонный конверт, углы которого сгладились за долгие годы. Он перевозил его из квартиры в квартиру, убеждая себя, что хранить его — не значит верить в то, что внутри.

В конверте лежала фотография, сделанная у северного маяка за два дня до исчезновения Елены. Елена стояла на каменных ступенях и улыбалась ветру, одной рукой придерживая волосы. Адриан стоял рядом, хмурый и худощавый, отвернувшись от камеры. Снимок сделал их отец. На заднем плане дверь маяка была приоткрыта.

Адриан перевернул фотографию. На обороте рукой матери было написано: *Елена и Адриан, октябрь 2011 года.*

Он сотни раз смотрел на эту фотографию. И только теперь заметил то, чего никогда прежде не видел. За ними, в тёмном стекле маячной фонарной комнаты, стояла третья фигура.

Он наклонил фотографию к кухонному свету. Фигура была расплывчатой, в длинном пальто, с одной рукой, прижатой к стеклу. Лицо терялось в размытом отражении неба.

Из конверта выскользнула вторая фотография и упала на пол.

На снимке были те же ступени маяка, те же железные перила, то же море, потемневшее от бури. Но каменная кладка потрескалась, перила погнулись, а сквозь швы пробивались сорняки. Небо было чёрным, хотя внизу море заливал яркий дневной свет. В нижнем углу снимка появилось лицо самого Адриана — постаревшее как минимум на двадцать лет; он смотрел прямо в камеру.

Он поднял её дрожащими пальцами.

На обратной стороне синей краской была проставлена дата.

24 ОКТ 2039.

Когда он проверял конверт в прошлый раз, снимка там не было. Он был в этом уверен — не потому, что обладал безупречной памятью, а потому, что так долго боялся первой фотографии, что запомнил каждый её изъяз.

Зазвонил его телефон. Клэр.

— Где ты? — спросила она. Ни приветствия, ни вступления.

— Дома. Что ты нашла?

— Мне нужно, чтобы ты пообещал, что не пойдёшь к маюку один.

— Странно просить об этом, не объяснив сначала почему.

— Адриан.

— Я слышал Елену.

Молчание. На её стороне он услышал автомобильный гу-
док, а затем тихий стук закрывшейся двери.

— Что именно ты слышал?

Он всё ей рассказал: радио, остановившиеся часы, два го-
лоса. Описал фотографию и прочитал дату на её обороте.

Клэр не перебивала. Это пугало его сильнее, чем если бы
она не поверила.

Когда он закончил, она сказала: — У меня тоже есть фо-
тография.

— Чего?

— Тебя. У маяка. Сегодня днём её доставили в редакцию
в конверте без обратного адреса. Ты стоишь перед дверью.
Ты выглядишь старше, чем сейчас. На обороте стоит зав-
трашняя дата.

Адриан опустил взгляд на фотографию у себя в руке. У
мужчины в углу было его лицо. Не просто сходство, не игра
теней. Его лицо — с таким же шрамом через бровь и такой
же складкой между глазами.

— Завтра, — сказал он.

— Знаю.

— Тогда пойдём вместе.

— Я надеялась, что ты это скажешь.

— Где ты?

— У здания муниципального архива. Я пыталась угово-
рить ночного охранника впустить меня.

— Зачем?

— Потому что первая запись об исчезновении Елены была изменена. Я нашла две версии. В одной она исчезла двадцать четвёртого октября. В другой её никогда не существовало.

Адриан снова посмотрел на фотографию. У его будущего двойника рука была поднята, ладонь обращена наружу, словно он предупреждал того, кто стоял за камерой, чтобы тот остановился.

— Встретимся у северного моста, — сказал он. — Через двадцать минут.

— Адриан, ещё кое-что.

— Что?

— В конверте была записка.

Он ждал.

— Там было написано: *Если он вспомнит первый звук, город вспомнит дверь.*

В трубке повисла тишина.

Адриан положил обе фотографии в пальто, закрыл конверт и выключил в квартире весь свет. Он не знал, уходит ли он искать сестру или доказывать, что невозможное не произошло. Он знал лишь, что впервые за тринадцать лет у часа после 03:17 появилось направление.

У двери он остановился и прислушался.

Откуда-то из стены донеслись три тихих стука.

Он не ответил.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ТРИНАДЦАТЬ ЛЕТ

Северный мост был построен из тёмного железа и старой гражданской гордости. Он пересекал канал там, где река расширялась по направлению к гавани, соединяя старый город с районом складов и муниципальных учреждений. Днём туристы фотографировали его фонари и рыбацкие лодки, пришвартованные под ним. Ночью мост принадлежал фургонам доставки, чайкам и людям, у которых были причины избегать главных дорог.

Адриан пришёл первым. Он припарковался под неработающим уличным фонарём и стоял, засунув руки в карманы пальто, наблюдая, как дождь собирается на железной решётке. Он принёс две фотографии, севшие батарейки для радио — их там не было, но он всё равно проверил ещё раз — и небольшой фонарик. Он также принёс латунный ключ от старого отцовского ящика с инструментами, хотя и не смог бы сказать, зачем.

В 03:36 Клэр спустилась по ступеням из архивного квартала. Волосы у неё были влажными, щёки порозовели от холода, а холщовая сумка постукивала о бедро. Она шла быстро, поглядывая на дорогу позади себя. Подойдя к нему, она не спросила, всё ли с ним в порядке. Она взяла его лицо в ладони и осмотрела, словно искала признаки травмы.

«Ты ужасно выглядишь», — сказала она.

«А ты выглядишь так, будто вламываешься в общественные здания».

«Я пыталась. Это не одно и то же».

Она отпустила его, но её руки задержались на его плечах на секунду дольше, чем следовало. Ни один из них об этом не заговорил.

Они перешли к остановке рядом с мостом. Клэр достала из сумки фотографию и протянула ему. На ней был Адриан перед маяком — постаревший, с прядью седых волос у виска. Его пальто было разорвано на плече. Позади него светилась изнутри фонарная комната, хотя маяк был выведен из эксплуатации уже несколько десятилетий назад.

На обороте печатными заглавными буквами были написаны слова: *24 ОСТ 2039. НЕ ДАЙТЕ ЕМУ ВСПОМНИТЬ.*

«Кто это прислал?» — спросил Адриан.

«Не знаю. Конверт лежал на моём столе, когда я пришла в редакцию. Администратор клянётся, что никто не заходил. На записи с камер наблюдения нет, как его доставили».

«Почему ты не вызвала полицию?»

«Вызвала. Они сказали, что это розыгрыш. Потом я показала им вторую версию записи об Елене, и они спросили, не страдаю ли я от недосыпа». Клэр скрестила руки. «Ты знаешь, что это значит в этом городе. Стоит кому-то решить, что ты не в себе, и каждый факт, который ты им предъявишь, станет доказательством против тебя».

Адриан знал. В шестнадцать лет его часами допрашивали о последней ночи Елены. Он сказал полиции, что она ушла к маяку. Его спросили, почему он её не остановил. Он ответил, что пытался. Его спросили, ссорились ли они. Он ответил,

что да. Его спросили, прикасался ли он к ней. Он сказал, что схватил её за запястье, когда она попыталась уйти, а она вырвалась. Они записали только то, что касалось его руки.

На следующий день в официальном отчёте Елена описывалась как сбежавшая из дома девушка со склонностью к импульсивным поступкам. Никакой такой склонности у неё не было. У неё был полный ящик школьных тетрадей, список университетов, которые она хотела посетить, и привычка записывать на полях домашних заданий прогноз погоды на завтра. Но для отчёта всё это было бесполезно.

«Покажи мне документы», — сказал он.

Клэр раскрыла сумку и достала папку, перетянутую красной резинкой. Внутри лежали фотокопии, рукописные заметки и два листа распечатки из базы данных. На первом значилась Елена Вейл, дата рождения — 4 May 1994, пропала 24 October 2011. Во втором Елены Вейл не было вовсе. Там была строка о семье Адриана: Дэниел Вейл, Мэрион Вейл, Адриан Вейл. Три человека. Ни дочери, ни сестры.

«Откуда у тебя это?»

«Общественный архив не такой уж общественный, как утверждает. Я нашла в ящике старую карточку каталога, предназначенную к утилизации. На ней был указан номер закрытого дела. А в закрытом деле была ссылка на комнату под зданием архива».

«Комната?»

«Не на планах. Ни на одном из планов, которые мне уда-

лось найти».

Адриан уставился на страницы. «Может, кто-то изменил записи после её исчезновения».

«Сначала я так и подумала. Но потом нашла запись о твоей смерти».

Он поднял взгляд.

Клэр перешла к последней фотокопии. Бумага была тонкой и пожелтевшей, словно её скопировали с оригинала, который был старше их обоих. На ней значились имена людей, записанных как умершие во время чрезвычайного происшествия в муниципалитете. Большинство имён были незнакомы. Несколько принадлежали семьям, которые Адриан знал с детства. Внизу страницы аккуратной строкой было напечатано его собственное имя.

ВЕЙЛ, ЭДРИАН ДЭНИЕЛ. УМЕР. 24 ОКТЯБРЯ 2039.
МЕСТО: СЕВЕРНЫЙ МАЯК.

Эта дата была на шестнадцать лет в будущем.

«Это невозможно», — сказал он.

«Да».

«Это может быть список прогнозируемых событий. Сценарий. Черновик».

«Тогда почему от бумаги пахнет морской водой?»

Он коснулся страницы. Волокна были жёсткими и слегка деформированными, словно бумагу высушили после того, как она побывала под водой. По одному краю тянулась бледная коричневая отметина отлива.

Клэр наблюдала за ним. «Мне нужно, чтобы ты рассказал, что произошло в 2011 году. Не то, что ты сказал полиции. А то, что помнишь».

Первым порывом Адриана было отказаться. Это воспоминание было комнатой в его сознании, дверь в которую он удерживал закрытой, навалившись на неё всем телом. Он построил свою жизнь так, чтобы никогда её не открывать. Но он услышал голос Елены. Увидел собственное лицо на фотографии, датированной шестнадцатью годами в будущем. Что бы ни происходило, оно всё равно нашло эту дверь.

«Мы поссорились», — сказал он.

«Из-за чего?»

«Она хотела пойти к маяку. Я сказал ей, что это опасно. Она сказала, что я веду себя как папа. Я сказал, что она ведёт себя по-детски. Она сказала, что меня волнует только то, чтобы быть правым».

«А ты был прав?»

«Насчёт маяка? Да. Северная лестница была ненадёжной. А во всём остальном...» Он посмотрел в сторону канала. «Наверное, нет».

«В каком часу?»

«Сразу после одиннадцати. Она вышла из дома. Я шёл за ней до самой дамбы. Она знала, что я позади, но не обернулась».

«А потом?»

«Я пошёл домой».

Клэр промолчала.

«Я пошёл домой», — повторил он, жёстче. «Я думал, она вернётся. Она всегда возвращалась».

«Ты видел её снова?»

Он закрыл глаза. «У маяка. Позже. Я уже был дома, когда услышал стук. Три удара откуда-то из-под пола. Я снова вышел. Дверь маяка была заперта. Я слышал, как она зовёт меня изнутри».

«Почему ты не выбил её?»

«Я пытался. Сломал о раму два пальца. Я побежал в дом смотрителя за инструментом. Когда вернулся, дверь была открыта».

«Что было внутри?»

«Лестница. Раньше её там не было. Каменные ступени вели вниз, под фундамент. Внизу я услышал Елену. Я спустился, наверное, на шесть ступеней, а потом снизу поднялась вода. Это был не потоп. Она была чёрной и текла против силы тяжести. Я увидел свет из-под двери. Потом услышал, как отец зовёт меня сзади».

Выражение лица Клэр изменилось. «Твой отец был там?»

«Он сказал, что разберётся с этим. Велел мне идти домой. Я не послушался. Мы подрались. Я не всё помню. Вспышка света, звук, будто поезд проходит сквозь землю, а потом я оказался на скалах возле маяка. Было утро. Елены не было. Папы тоже не было — целых три дня. Когда он вернулся, сказал, что искал её на побережье».

«Ты ему поверил?»

«Нет».

«Ты кому-нибудь рассказал о лестнице?»

«Я пытался. Полиция не нашла ни лестницы, ни воды, ни сломанной двери. Отец сказал, что горе заставило меня спутать кошмар с самой ночью. Мать смотрела на меня так, будто я был болен. После этого я перестал об этом говорить».

Лицо Клэр смягчилось. «Тебе было шестнадцать».

«Я был достаточно взрослым, чтобы вернуться».

«Ты вернулся».

«Но не достаточно далеко».

На мгновение дождь будто зашумел громче. Клэр посмотрела на бумаги, а затем на фотографию его будущего «я».

«Думаю, записи меняются, потому что город не может решить, какая версия той ночи настоящая, — сказала она. — И думаю, что маяк — это место, где эти версии встречаются».

«Очень далеко идущий вывод из нескольких пропавших файлов».

«Я занимаюсь этим уже два года. Начала со списка улиц, исчезнувших с карты города. Потом нашла фотографии, на которых здания отличались в разных копиях. Школьный класс: в одной версии на одного ребёнка больше, а в списках его нет. Крыло больницы, которое есть на аэрофотоснимке 1978 года, но которого никогда не было на плане застройки. Сначала я думала, что это мошенничество. Потом я опросила людей, помнивших родственников, которых больше ни-

кто не помнил».

«Люди забывают».

«Конечно. Но обычно они не забывают одних и тех же людей в одном и том же порядке».

Она протянула ему блокнот. Его страницы были испещрены датами, стрелками и маленькими картами. Адриан узнал в этой точности почерк человека, научившегося обращать свой страх себе на пользу. Эти заметки были не работой человека, увлечённого историей о привидениях. Это была попытка выстроить систему на основе свидетельств, которые отказывались оставаться неизменными.

В конце блокнота красным были обведены несколько дат. Каждая приходилась на двадцать четвёртое октября, промежуток между датами составлял тринадцать или четырнадцать лет. Рядом с каждой стояло время: 03:17.

«Каждый раз, когда город меняется?» — спросил Адриан.

«Каждый раз, когда я могу доказать, что он изменился. Даты неточные, потому что часть записей отсутствует. Но закономерность прослеживается».

«Почему ты не пришла ко мне раньше?»

«Я пыталась. После интервью о противопаводковой дамбе ты отказался со мной разговаривать».

«Это был не отказ. Я сказал, что занят».

«Ты сказал: „У меня нет времени на истории о городе, который пожирает собственное прошлое“».

«Я говорил метафорически».

«Ты просто грубил».

Он едва заметно улыбнулся. Это ощущалось непривычно, словно он задействовал мышцу, бездействовавшую годами. Клэр заметила это, и на мгновение её лицо тоже смягчилось. Затем в здании архива на другом берегу канала мигнул свет.

За высоким окном стояла фигура.

Фигура была слишком далеко, чтобы разглядеть её лицо, но она стояла совершенно неподвижно и смотрела на мост. Когда Адриан шагнул вперёд, свет погас.

«Там кто-то есть», — сказал он.

«Там всегда кто-то есть», — ответила Клэр. — Вопрос в том, должны ли они там быть».

Она закрыла папку и спрятала её под пальто. «Виктор Лоран руководит архивом. Он работает там ещё с тех пор, как пропала Елена. Он знает о существовании закрытого дела и знает, что я расспрашивала о нём. Я встречу с ним, когда архив откроется».

«Он откажет».

«Скорее всего».

«Тогда я пойду с тобой».

Она внимательно посмотрела ему в лицо. «Ты не обязан делать это только потому, что я попросила».

«Я делаю это, потому что она позвонила мне».

«И потому, что ты хочешь узнать, пытается ли твоё будущее «я» спасти тебя или напугать».

«Не знаю, что было бы хуже».

«Хорошо, — сказала Клэр. — По крайней мере, мы честны друг с другом».

Они пошли через мост. На полпути Адриан остановился. На дальнем берегу, под уличным фонарём, стояла девушка в жёлтом плаще. Её тёмные волосы были неровно подстрижены до плеч. В руке она держала закрытый красный зонт, хотя дождь лил как из ведра.

«Елена?»

Девушка подняла глаза.

На одну невозможную секунду Адриан увидел сестру такой, какой она была в семнадцать лет: кривоватая улыбка, маленький шрам на подбородке — она упала с велосипеда, — нетерпеливо приподнятая левая бровь. Затем между ними прошёл трамвай, его окна были полны бледных лиц. Когда он скрылся, тротуар опустел.

Адриан бросился к дальнему концу моста. Он обыскал переулок, ступени, узкий проход возле пекарни. Там никого не было. Только красный зонт лежал в сточной канаве: ткань была порвана, а металлические спицы загнуты внутрь.

Клэр подошла к нему, тяжело дыша. Она посмотрела на зонт, но не прикоснулась к нему.

«Это была она?» — спросила она.

«Не знаю».

«Ты узнал её лицо».

«Я узнал лицо, похожее на её».

Он поднял зонт. Вода стекала по пальцам, холодная, как

море. В ручку была вшита маленькая белая бирка. На ней выцветшими синими чернилами было написано имя.

ЕЛЕНА ВЕЙЛ.

Первый утренний трамвай прогрохотал по бульвару за их спинами. Город просыпался, и Адриан с пугающей ясностью — сильнее, чем после слов по радио, — понял: Сент-Верон не просто скрывает, что случилось с его сестрой. Он пытался решить, была ли она там вообще.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ДОМ НА ДНЕ

Муниципальный архив открывался в восемь, но Виктор Лоран прибыл в семь двадцать три.

Адриан и Клэр ждали на другой стороне площади, в кафе, где подавали горелый кофе и настолько рассыпчатые круасаны, что съесть их, не устроив беспорядка, было невозможно. Клэр купила газету и держала её раскрытой между ними, хотя никто из них её не читал. Каждые несколько минут она поглядывала на вход в архив. Адриан следил за часами над стойкой.

Ровно в семь двадцать три высокий мужчина в угольно-сером пальто пересёк площадь. Зонта у него не было. Его серебристые волосы были гладко зачёсаны, а двигался он с осторожной собранностью человека, который годами пробирался по комнатам, где неверный жест могли записать ему в вину.

«Виктор Лоран», — сказала Клэр.

«Похож на человека, который раскладывает свои сны по алфавиту».

«Наверняка так и делает».

Они подождали, пока он откроет боковую дверь архива, затем пересекли площадь. Клэр добралась до входа прежде, чем он успел закрыться.

- Мистер Лоран?

Он повернулся. Его взгляд переместился с Клэр на Адриана, и что-то в его лице напряглось.

“ Мисс Моро. По-моему, я уже объяснил, что доступ к запрошенным вами записям ограничен.

- Вы объяснили, что записей не существует.

- Я объяснил, что никакие записи, соответствующие вашему описанию, не доступны широкой публике.

- Это не одно и то же.

“Нет”, - сказал Лоран. “Это не так”.

Его пристальный взгляд оставался прикованным к Адриану. - Тебе не следовало приходить сюда.

Адриан почувствовал, как у него сжались челюсти. - Ты знаешь, кто я.

“Каждый в этом городе знает, кто ты”.

- Я не это имел в виду.

Лоран взглянул на площадь. Ранние пассажиры проходили мимо, не глядя на них. “ Заходите внутрь. Вы оба. И ни к чему не прикасайся, пока я тебе не скажу.

Он провел их по узкому коридору, увешанному фотогра-

фиями мэров и гражданских церемоний в рамках. В здании пахло бумагой, пылью и чем-то минеральным, как в подвале после грозы. В конце коридора Лоран отпер стеклянную дверь и провел их в читальный зал. Ряды столов стояли под лампами с зелеными абажурами. Настенные часы тикали слишком громко для размеров комнаты.

Лоран снял пальто и повесил его на спинку стула. - Расскажи мне точно, что ты нашел.

Клэр положила папку на стол. "Две версии дела Елены Вейл. Запись в реестре смерти Адриана, датированная 2039 годом. Фотография маяка, которого не должно было существовать.

Лоран даже не взглянул на бумаги. - И что вы слышали?

Адриан почувствовал холодное давление под ребрами. - Почему ты думаешь, что я что-то слышал?

"Потому что часы остановились в 03:17. Потому что радио передало голос. Потому что мертвые снова начали использовать старые частоты. Лоран сложил руки на груди. - Я надеялся, что у нас будет больше времени.

- Ты знаешь о радио? - спросил я.

- Я знаю об этом сигнале.

- В чем дело? - спросил я.

"Предупреждение. Симптом. Иногда приглашение. Это зависит от того, кто слушает.

Клэр наклонилась вперед. "Кто это отправляет?"

Лоран долго смотрел на нее. - На этот вопрос нельзя дать

однозначный ответ.

“Я журналист. Безопасные ответы обычно наименее полезны”.

“Да. И журналисты иногда ошибочно принимают опасность вопроса за доказательство важности вопроса.

- Ты собираешься мне ответить?

“Нет”.

Адриан ударил ладонью по столу. Звук эхом прокатился по читальному залу. “На этих записях есть моя сестра. Мое имя внесено в реестр умерших через шестнадцать лет. Моя фотография датирована завтрашним днем. Если ты знаешь, что происходит, перестань говорить как клерк и расскажи нам”.

Лицо Лорана не изменилось, но его пальцы сжались. - Твой отец сказал, что ты вернешься.

- Мой отец пропал.

“Нет”, - тихо сказал Лоран. “Твой отец там, где он выбрал быть”.

Часы на стене тикнули раз, другой, затем остановились.

Адриан поднял голову. Каждый волосок на его руках встал дыбом.

Лоран закрыл глаза, как будто слышал знакомый голос, зовущий из другой комнаты. “Это началось раньше, чем я ожидал”.

Он встал и прошел в дальнюю часть читального зала, где между двумя полками стоял высокий шкаф. Он достал из

кармана связку ключей и выбрал маленький латунный ключик. За шкафом он нажал на секцию деревянной панели. Щелкнула защелка. Весь шкаф повернулся внутрь на скрытых петлях, открывая узкую лестничную клетку, уходящую в темноту.

Клэр уставилась на него. “Этого нет на планах здания”.

“Нет”, - сказал Лоран. “Это не так”.

Он включил настенный светильник. Свет достигал только первых шести ступенек. За ними лестница поворачивала влево и исчезала.

“Куда он ведет? - Спросил Адриан.

В помещение, построенное еще до существования этого архива. Официальная история города гласит, что здание было построено в 1891 году. Фундамент под нами старше, чем сама гавань.

-Кто это построил?

- Люди, которые знали, что в Сен-Вероне есть вещи, которым не следует давать названий.

Лоран протянул Адриану фонарик из кармана пальто. “Вы увидите записи, которые противоречат друг другу. Вы услышите вещи, которые звучат как люди, которых вы любите. Не обращайтесь ни на какой голос, если не можете видеть говорящего человека. И если вы услышите три стука, не стучите в ответ”.

-Почему? -спросила

“Потому что кое-что внизу может дать ответ”.

Он спустился первым, двигаясь осторожно, одной рукой придерживаясь за влажную каменную стену. Адриан последовал за ним, затем Клэр. Воздух становился холоднее с каждым шагом. Снизу доносился запах соленой воды, хотя архив находился почти в километре от берега. На пристани Лоран снял со связки второй ключ и отпер стальную дверь.

Комната за ней была больше, чем должно было позволять здание над ней.

Стены занимали металлические стеллажи. На каждой полке стояли коробки, бухгалтерские книги, стеклянные тарелки, катушки скотча и связки карт, перевязанных бечевкой. В центре стоял длинный стол. Над ним ровным янтарным светом горела единственная лампа. Пол был каменным, но не из серого гранита, который использовался в фундаментах архива. Этот камень был черным, местами блестящим, с узкими бороздками, которые сходились в круглой отметине в центре комнаты.

Адриан переступил порог и почувствовал давление в ушах, как будто он погружался под воду.

“Что это за место?” - Что это? - прошептала Клэр.

“Комната под записью, - сказал Лоран. - Город хранит здесь то, что не может объяснить.

Он подошел к полке с латунной табличкой: VALE, 2011. Этикетка была исцарапана и переписана несколько раз. Под ним, буквами поменьше, кто-то выгравировал: "ОРФЕЙ / ПРОИСШЕСТВИЕ 07".*

Адриан потянулся за коробкой.

- Подожди, - сказал Лоран.

-Почему? -спросила

“Потому что файл может не совпадать каждый раз, когда вы его открываете”.

- В этом нет никакого смысла.

- Нет смысла притворяться, что это не так.

Лоран поставил коробку на стол и сам открыл ее. Внутри лежали школьная фотография, сложенная карта, три аудио-кассеты и толстый конверт, запечатанный темным воском. Адриан сразу узнал школьную фотографию. На ней был изображен его класс в средней школе Сен-Верон, сделанный осенью 2011 года. Он сидел в последнем ряду со скучающим видом. Елены на фотографии не было. Он вспомнил тот день: она пропустила фотосессию, чтобы встретиться в библиотеке с рекрутером университета.

Но в этой версии фотографии Елена стояла в центре второго ряда, улыбаясь в камеру. Ее рука лежала на плече Адриана. У всех вокруг были закрыты глаза.

Клэр наклонилась ближе. “Посмотри на дату”.

Дата, напечатанная в нижнем углу, - 24 ОКТЯБРЯ 2011 года, хотя фотография была сделана неделей ранее. На заднем плане, через стеклянные двери школы, было видно темное море там, где должен был быть внутренний двор.

Адриан перевернул фотографию. Обратная сторона была исписана от руки, большая часть зачеркнута. Он смог разо-

брать фрагменты:

...первый звук...

...не позволяй дэниелу...

...девушка вспоминает...

...город выберет...

Из дальнего конца комнаты донесся шум. Три раза посту-
чали, медленно и обдуманно.

Рука Клэр сомкнулась на запястье Адриана.

Лоран замер. “Никому не говорить”.

Стук раздался снова, на этот раз из-под стола.

Адриан посмотрел вниз. Круглая отметина в полу запол-
нилась тонким слоем воды. Она растекалась по бороздкам,
следуя их линиям, как чернила по карте. Янтарная лампа за-
мерцала.

Откуда-то из-под камня раздался женский голос: “Адри-
ан?”

Он почти ответил. Звук его имени был совершенен. В нем
слышалось то же нетерпение, тот же слабый скрежет, тот же
знакомый вздох. Пальцы Клэр сжались вокруг его запястья
так крепко, что стало больно.

- Не надо, - прошептала она.

Голос раздался снова. “Адриан, здесь холодно”.

Он закрыл рот с такой силой, что клацнули зубы.

Лоран достал кассету из коробки и вставил ее в потрепан-
ный магнитофон. “Нам нужно прослушать это до того, как
комната изменится”.

Запись началась со звука помех. Затем заговорил мужчина.

“Если вы это слышите, значит, первый барьер не преодолен. Вы добрались до архива под архивом. Вы можете считать, что расследуете исчезновение. А ты - нет. Вы приближаетесь к двери, которая уже открывалась раньше, и каждый раз, когда она открывается, город теряет частичку самого себя”.

Адриан узнал этот голос. Это был его собственный, более старый и огрубевший от усталости.

“Не доверяйте записям. Не доверяйте фотографиям. Не доверяйте людям, которые утверждают, что помнят ту же историю, что и вы. Город вам не лжет. Это попытка выжить”.

Зашипела пленка. На заднем плане заскрипел стул.

“Если Елена все еще зовет тебя, не путай этот призыв со спасением. Возможно, она жива. Возможно, она эхо. Возможно, она единственная часть города, которая помнит, что произошло. Ни одна из этих возможностей не дает вам разрешения открыть ворота.

Адриан потянулся за диктофоном, но Лоран перехватил его руку.

Голос продолжал.

“Найди свет под дверью. Найди комнату, где раздался первый звук. И когда ты увидишь меня, не верь, что я - та версия тебя, которая знает больше всех. Я всего лишь тот, кто потерял больше всех”.

Кассета оборвалась.

Никто не пошевелился.

Клэр заговорила первой. - Сколько раз это происходило?

Лоран посмотрел на темную воду на полу. "Достаточно часто, чтобы я забыл, какие воспоминания принадлежат мне".

" Кто такой Орфей? - Спросил Адриан.

Лоран глубоко вздохнул. " Проект. Теория. Ошибка. В официальном сообщении говорится, что это была программа восстановления прибрежных районов, разработанная для моделирования условий наводнения и сохранения городских записей во время чрезвычайной ситуации. Насколько можно судить, это сообщение соответствует действительности "

- А что дальше?

" Твой отец был инженером на этом проекте. Он верил, что город можно спасти, сохранив все возможные его варианты. Если одно будущее утонуло, возможно, там, где оно выжило, можно было найти другое. Эксперименты начались с карт и звукозаписей. Затем они начали задействовать память "

Адриан уставился на него. - Мой отец открыл ворота.

"Да".

"Почему?"

- Потому что твоя мать умерла.

Слова прозвучали без драматизма, что сделало их еще хуже.

Адриану сказали, что Мэрион Вейл умерла от внезапного

кровоизлияния в мозг зимой 2008 года. Он вспомнил больничный коридор, дождь за окном, своего отца, сидящего, обхватив обеими руками бумажный стаканчик, из которого он никогда не пил. Елена плакала открыто. Адриан - нет. Он верил, что если будет оставаться достаточно неподвижным, горе пройдет через него, не найдя места для успокоения.

“Он хотел вернуть ее?” Спросила Клэр.

“Он хотел добраться до версии города, в котором она никогда не умирала. Он нашел ее. Или думал, что нашел. Но ворота не делают различия между человеком и памятью о человеке. Они открываются ко всему, что сохранилось достаточно прочно, чтобы ответить.

“А Елена?”

Взгляд Лорана переместился на Адриана. “Твоя сестра отправилась на его поиски. Ты последовал за ней. Ворота снова открылись.

Адриан, казалось, не мог сделать полный вдох. - Ты знал это тринадцать лет.

“Я знал часть этого. Я не знал, куда ушел твой отец. Я не знал, переступила ли Елена порог или была захвачена им. Я не знал, какие записи все еще соответствуют действительности. Каждый раз, когда я пытался сохранить улики, они менялись”.

- Ты мог бы сказать нам.

“Я рассказал твоей матери. Она умоляла меня позволить городу забыть. Она верила, что если записи будут запечата-

ны, дверь останется закрытой.

- Неужели это произошло?

Лоран посмотрел на воду. - Нет.

Из-за стальной двери позади них донесся звук. Защелка повернулась сама по себе.

Клэр резко обернулась. За дверью лестничная клетка больше не была темной. Ее залил бледный дневной свет. Улица сбегала вниз по ступенькам, где должна была быть лестница, вдоль которой стояли дома, знакомые Адриану с детства. В дальнем конце стояла женщина в красном шарфе.

Его мать.

Она выглядела точно такой, какой он запомнил ее в последнее утро ее жизни: волосы небрежно заколоты на затылке, выражение лица нежное и усталое. Она подняла руку, чтобы поманить его.

“Адриан”, - позвала она. “Вернись домой”.

Его ноги двинулись прежде, чем он успел их остановить. Клэр поймала его за пальто. Лоран схватил его за другую руку.

Женщина в красном шарфе улыбнулась. Позади нее улица наполнилась водой.

- Возвращайся домой, - повторила она.

Адриан заставил себя посмотреть ей в лицо. Оно было идеальным, но в ее глазах ничего не отражалось. Он вспомнил последние слова матери, сказанные ему в больнице: "Позаботься о своей сестре.* Женщина в дверях не произнесла

их. Она забыла то единственное, что делало ее его матерью.

Он отступил назад.

Дверь с грохотом захлопнулась.

Вода с пола исчезла, оставив черный камень сухим и блестящим. Лампа застыла. Где-то над ними снова начали тикать архивные часы.

Лоран отпустил руку Адриана. - Теперь ты понимаешь, почему я говорил тебе не следовать голосу.

“Нет”, - сказал Адриан, хотя его голос дрожал. “Я понимаю, почему ты боишься”.

“Это начало понимания”.

Он вернул кассету в коробку и закрыл крышку. “Есть еще один файл, который вам нужно просмотреть. Он хранится на маяке. Я никогда не мог перенести его сюда, и я никогда не был в состоянии уничтожить его”.

“Какой файл?”

“Первая фотография. Та, что сделана до исчезновения Елены. Та, на которой видно, кто открыл дверь.

Адриан достал из кармана пальто две фотографии. - Эту?

Лоран изучил изображение разрушенного маяка, затем покачал головой. “Это более поздняя версия. Первая фотография находится в комнате с фонарями. Оно так долго ждало тебя”.

- Почему ты не сказал мне об этом раньше?

- Потому что ты пошел бы туда один.

Адриан посмотрел на Клэр. Она оглянулась на него, на ее

лице был явный страх, но под ним скрывалось нечто более твердое: не уверенность в том, что они выживут, а решение не отказываться от ответа.

- Тогда мы уходим прямо сейчас, - сказала она.

Лоран запер ящик с документами. "Вы можете отправиться на маяк. Но вы должны понять одну вещь. Если ворота откроются, каждому из вас предложат что-то другое. Он будет знать, о чем ты сожалеешь. Он будет знать, чем ты пожертвуешь, чтобы все исправить. И это заставит предложение звучать как любовь".

Адриан повернулся к лестнице. - Тогда мы не будем слушать.

Выражение лица Лорана было почти жалостливым. "Все говорят это до того, как услышат голос".

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЖЕНЩИНА , КОТОРАЯ ПОМНИЛА

Дорога к северному маяку проходила между дамбой и рядом заброшенных зданий таможни. При дневном свете это был популярный пешеходный маршрут. Ночью, когда с запада надвигался шторм, тропинка к маяку, казалось, сужалась, как будто город переводил дыхание.

Клэр вела машину. Адриан сидел рядом с ней с двумя фотографиями на коленях. Часы на приборной панели показывали 04:12. Они снова не остановились, но он поймал себя на том, что проверяет их каждые несколько минут. Дорога блестела в свете фар. За барьером волны разбивались о ска-

лы и отступали длинными белыми полосами.

“Ты какой-то тихий”, - сказала Клэр.

“Я пытаюсь решить, говорит ли Лоран правду”.

- Насчет какой части?

“Все это”.

- Это разумно.

- Он сказал, что мой отец открыл ворота, чтобы найти мою мать.

- Ты думаешь, он это сделал?

“Я думаю, он был опустошен. Я думаю, он сделал бы почти все, чтобы увидеть ее снова. Я также думаю, что горе не объясняет наличие комнаты под архивом или фотографией из будущего”.

Клэр взглянула на него. “Иногда горе является причиной, по которой люди создают невозможные вещи. Это не делает вещи менее невозможными”.

Он повертел в руках фотографию будущего. “Если это я в 2039 году, почему я пытаюсь остановить себя?”

- Может быть, потому, что ты знаешь, что произойдет, если ты этого не сделаешь.

“Или, может быть, это предупреждение, предназначенное для того, чтобы заставить меня делать именно то, чего мне говорят не делать”.

“Вот почему мы должны провести расследование, а не подчиняться ему”.

- Ты говоришь это так, как будто мы собираемся на засе-

дание совета.

“Я бывал на заседаниях совета. Они гораздо опаснее.

Он неохотно рассмеялся. Звук испугал его. Клэр улыбнулась, не отрывая взгляда от дороги.

“Могу я спросить тебя кое о чем? - спросил он.

“Ты можешь попросить. Я оставляю за собой право отказать.

- Почему вы начали расследование пропавших улиц?

Ее улыбка погасла. Она проехала еще немного, прежде чем ответить.

“Мой брат”, - сказала она. “Его звали Люк”.

Адриан повернулся к ней. Она никогда не упоминала о брате.

“Ему было восемь, когда он утонул”, - продолжила она. “Мы были в отпуске. Рядом с домом протекала река, мелкая летом, быстрая после дождя. Моя мать была внутри. Я должен был наблюдать за ним. Я отвернулся, наверное, на минуту. Он соскользнул с берега. Я прыгнул за ним, но течение прижало меня к корню дерева. Мужчина вытащил меня. К тому времени, как кто-то нашел Люка, его уже не было.

- Мне очень жаль.

Раньше я ненавидела эту фразу. Это прозвучало как звук закрывающейся двери. Но я знаю, что люди говорят это, потому что больше нечего сказать. Она крепче сжала руки на руле. “Два года назад я нашла фотографию на чердаке у моей матери. На ней мы с Люком были запечатлены на вечерин-

ке по случаю дня рождения. Он был старше, чем на момент смерти, — может быть, двенадцать или тринадцать. Он стоял рядом со мной, держа в руках торт. Моя мама смеялась на заднем плане. Я подумала, что это сон или сочинение. Потом я нашла школьный отчет с его именем. Библиотечный билет. Письмо от мальчика, подписавшегося Люком Моро.

- Что сказала твоя мать?

“Она сказала, что у меня был брат, но он не утонул. Он был болен. Затем, неделю спустя, она сказала, что я единственный ребенок в семье, и спросила, почему я продолжаю придумывать истории. Фотография исчезла с чердака. В школе не было записи. Читательский билет был пуст. Но я помню его. Я помню, как он грыз кончики карандашей и тот факт, что он боялся моли. Я помню, как он просил меня научить его плавать, и я помню реку”.

- Как ты думаешь, он где-нибудь жив?

“Я думаю, что есть версия моей жизни, в которой он присутствует. Думаю, я видел доказательства этого. Я не знаю, означает ли это, что он существует сейчас или когда-либо существовал. Но когда я нашел первую карту с улицей, которой там не было, я узнал это чувство. Город делал с собой то же, что он сделал с моей семьей”.

Адриан посмотрел на ее руки, лежащие на руле. Она уверенно вела машину, даже когда дорога поворачивала, а ветер дул им в лицо. Он думал, что расследование Клэр было вызвано амбициями, волнением от поиска истории, кото-

рую все остальные пропустили. Теперь он понимал скрытое за этим отчаяние. Она не гналась за тайной ради нее самой. Она пыталась выяснить, можно ли доверять памяти, когда все вокруг настаивали, что это ложь.

“Ты когда-нибудь думала, - спросил он, - что воспоминания о нем мешают тебе жить?”

“Каждый день. Она слегка, печально улыбнулась. - И каждый день я думаю, что забыть его было бы еще одним видом смерти.

Впереди показался маяк, белая башня, возвышающаяся над скалами. В комнате с фонарями было темно. Домик смотрителя рядом с ним был заколочен десятилетиями, но одно окно слабо светилось желтым.

Адриан выпрямился. - Там кто-то есть.

Клэр притормозила машину. - Возможно, это отражение. -Этонетак.

Они припарковались у дамбы и пошли пешком. Ветер здесь был сильнее. Он гнал соленые брызги по дорожке и тербил их куртки. Когда они подъехали к воротам, окно коттеджа потемнело.

Дверь маяка была закрыта. Адриан подергал ручку. Она легко повернулась.

Внутри круглой камеры пахло влажным камнем и старым металлом. Винтовая лестница вела в комнату с фонарями. Под ней дверь поменьше вела в кладовую хранителя. Адриан провел фонариком по полу. В пыли были следы — свежие,

мокрые следы, ведущие к лестнице.

Клэр присела на корточки рядом с ними. "Один человек. Босиком".

Отпечатки начинались у двери и продолжались по ступенькам. Они были слишком узкими, чтобы принадлежать Лорану.

"Это могла быть Елена", - сказал Адриан.

- Может быть, кто-то хочет, чтобы мы думали, что это Елена.

Он кивнул. Различие имело значение, даже если он не мог этого вынести.

Они поднялись. Лестница была узкой, перила холодными и скользкими под пальцами Адриана. В комнате с фонарями окна были запотевшими от соли. Огромный объектив в железной оправе казался темным. Кто-то поставил под ним маленький столик. На столе лежали магнитофон, стопка фотографий и единственный белый конверт.

Клэр медленно подошла к столу. "Это папка, о которой упоминал Лоран".

Адриан взял верхнюю фотографию. На ней была изображена дверь маяка в ночь исчезновения Елены. Изображение было зернистым, размытым вспышкой. Его шестнадцатилетнее "я" стояло на переднем плане, держась одной рукой за дверной косяк. Позади него, спиной к камере, стоял его отец, держа в руках что-то длинное и металлическое. Дверь маяка была открыта. Ниже порога полоска белого света пересекала

пол.

В стекле фонарной комнаты отразилась третья фигура.

Адриан перевернул фотографию. Даты не было, только строчка, написанная черными чернилами.

Первый звук не был голосом.

“Что это значит?” Спросила Клэр.

- Я не знаю.

Он отложил фотографию и поднял конверт. Внутри был серебряный ключ, тонкий, как полоска проволоки, и записка, сложенная вчетверо. Почерк принадлежал его отцу.

* Адриан — если ты нашел это, значит, я не смог закрыть дверь. Прости за те годы, когда я позволял тебе верить, что исчезновение твоей сестры произошло по твоей вине. Ты был ребенком. Я был тем, кто решил открыть его. *

Ниже, другими чернилами, было добавлено другое предложение:

* Но ты был единственным, кто ответил.*

Адриан почувствовал, как комната качнулась. Он схватился за стол.

Клэр прочитала записку через его плечо. - Что значит “ответил”?

Прежде чем он успел ответить, магнитофон включился сам по себе.

Комнату с фонарем заполнил женский голос. Не голос Елены из радио, не тот голос, который звонил ему из архива. Этот голос был близким, ясным и усталым.

- Адриан, если ты меня слушаешь, то ты достиг того места, где город впервые научился лгать.

Запись затрещала. Второй голос, мужской и постарше, заговорил поверх нее.

- Ты не должен позволять девушке переходить дорогу.

Затем снова женщина: “Он попытается спасти ее. Он будет думать, что это то же самое, что любить ее. Это не так”.

Адриан потянулся к кнопке "Стоп". Она не двигалась.

Запись продолжалась. “Под маяком есть две вещи. Одна - ворота. Другая - звук, который позволил им открыться. Ворота можно закрыть. Звук невозможно отменить. Вы должны понять разницу”.

Запись остановилась.

Снизу донесся стук.

Три стука.

Клэр отошла от стола. “Нам нужно уйти”.

Адриан посмотрел на серебряный ключ. Он был теплым в его ладони.

“Адриан”, - сказала Клэр, теперь более резко. “Нам нужно уходить”.

С лестницы донесся голос. - Адриан?

Он повернулся к лестнице.

Елена стояла внизу, вне досягаемости света. Она выглядела лет на семнадцать, с влажными волосами и в том самом желтом плаще, который описывала Клэр. Ее лицо было бледным, но живым. Она подняла руку, и маленький шрам на ее

подбородке блеснул на свету.

- Я ждала, - сказала она.

Адриан сделал шаг к ней.

Клэр схватила его за руку. - Посмотри на ее ноги.

Елена стояла на первой ступеньке. Ее босые ноги были сухими. Позади нее лестница спускалась дальше, чем мог простираться фундамент маяка, ступени исчезали в черной воде. Свет из комнаты с фонарем упал на край ее пальто.

“Адриан”, - снова сказала Елена. “Пожалуйста”.

Он так сильно хотел ей поверить, что само это желание казалось доказательством. Он вспомнил, как она в двенадцать лет смеялась за кухонным столом. Он вспомнил ее семнадцатилетней, хлопнувшей входной дверью. Он вспомнил последующие годы, когда начал ненавидеть шум ссор братьев и сестер на улице, потому что это наводило на мысль, что мир может отнять у тебя что-то, а потом жить дальше, как будто ничего не произошло.

- Что с тобой случилось? - спросил он.

Выражение лица Елены изменилось. На мгновение она выглядела испуганной, и это зрелище чуть не сломило его.

“Я пошла туда, куда пошел папа”, - сказала она. “Я думала, что смогу вернуть его”.

- Где ты сейчас? - спросил я.

“Между тем, что произошло, и тем, что могло бы произойти”.

- Это не ответ.

- Это единственное, что у меня есть.

Она посмотрела мимо него, на Клэр. “Ты помнишь мальчика у реки”.

Клэр побледнела.

“Не слушай ее”, - сказал Адриан, хотя и не знал, кого он имел в виду Елену или Клэр.

Глаза Елены наполнились слезами. - Я тоже его помню.

Клэр сделала шаг вперед, прежде чем смогла остановить себя. “Люк?”

Это имя пронеслось по комнате, как дуновение холодного воздуха. Линза фонаря начала вращаться, хотя питание на нее не подавалось. Окна темнели до тех пор, пока море за окном не исчезло.

Елена протянула руку. “Ты можешь их видеть. Все те, кто был потерян. Они не мертвы. Не совсем так. Они ждут, когда кто-нибудь вспомнит дорогу внутрь.

Адриан уставился на свою сестру. “И что произойдет, если мы это сделаем?”

Ее пальцы сжались. “Город возвращается”.

- В каком городе?

“Тот, который должен был быть у нас”.

Эта фраза прозвучала так мягко, так разумно. Адриан почувствовал искушение: жизнь, в которой его мать была жива, где его отец не исчез, где Елена вернулась домой до полуночи. Он видел дом таким, каким он был раньше: желтые занавески, вазу с апельсинами, туфли сестры, оставленные у

двери. Он слышал, как мать зовет их ужинать.

Рука Клэр дрожала на его рукаве.

“Адриан, - прошептала она, - ты должен решить, веришь ли ты человеку, стоящему перед тобой, или тому, чего она от тебя хочет”.

Он снова посмотрел на Елену. Ее глаза все еще были влажными, губы дрожали. Но под эмоциями скрывалось ужасное терпение. Она ждала, что он совершит ту же ошибку, что и тринадцать лет назад: ответит на чей-то голос, потому что не мог смириться с мыслью, что, возможно, слышит его в последний раз.

Он отступил назад.

Лицо Елены сморщилось. На мгновение она стала точь-в-точь похожа на его сестру.

Затем выражение лица опустело.

“ Скоро, ” сказала она. “В городе заканчиваются версии”.

Свет под лестницей вспыхнул белым. Порыв холодного воздуха поднялся по лестнице, неся запах моря и отдаленный грохот поезда. Елена исчезла.

Фонарь перестал вращаться. Окна прояснились. Снаружи все еще было море, черное и беспокойное, бьющееся о скалы.

Адриан опустил взгляд на серебряный ключ в своей руке. Вдоль его края появилась едва заметная линия, похожая на трещину во льду.

Клэр отпустила его руку, хотя оставалась достаточно близ-

ко, чтобы их плечи соприкасались. “Нам нужно выяснить, каким был первый звук”.

Он кивнул.

- И нам нужно выяснить, что сделал твой отец после того, как открыл ворота.

“Да”.

Она посмотрела на лестницу, потом снова на него. - А если она вернется?

Адриан сомкнул пальцы на ключе. “Мы зададим ей вопрос, который могла знать только Елена”.

- Какой вопрос?

Он подумал о школьной фотографии, кухне, последнем аргументе, обо всех мелких фактах, которые он хранил, как камешки в кармане.

“Я еще не знаю”, - сказал он. “Но я найду кого-нибудь”.

Впервые с тех пор, как заговорило радио, он почувствовал что-то помимо страха. Это была не надежда. Надеяться было бы слишком легко. Это было трудное, болезненное начало ответственности: осознание того, что любовь нельзя измерить тем, насколько далеко он готов зайти, следуя за кем-то во тьму.

Он положил фотографии и записку в карман пальто.

Позади них снова включился магнитофон.

Из динамика донесся шепот.

“Не тот вопрос, который ты помнишь”, - сказал голос будущего “я” Адриана. “Вопрос, который ты никогда не зада-

вал”.

Затем диктофон замолчал.

ГЛАВА ПЯТАЯ

КОМНАТА, КОТОРОЙ ТАМ НЕ БЫЛО

Елена стояла в дверях, как будто ждала, когда они придут в конце очень долгой встречи.

На ней был желтый плащ, который Адриан запомнил с того утра, когда видел ее в последний раз. Манжеты потемнели от воды. Ее волосы тонкими прядями прилипли к щекам, а одна рука опиралась на черный дверной косяк. Позади нее тянулась затопленная улица под потолком из движущейся воды. В окнах, где не должно было гореть электричество, горели лампы. К стене был прислонен велосипед. Дальше по улице один раз прозвенел трамвайный звонок, приглушенный и далекий.

Адриан не мог пошевелиться.

Каждый год, начиная с 2011 года, он репетировал этот момент в той или иной форме. В некоторых версиях он бежал к ней. В других он спрашивал, где она была. В "Самых жестоких снах" именно он должен был сказать ей, что она мертва. Ни одна из этих репетиций не подготовила его к простому факту появления ее лица.

- Элли, - позвал он.

Выражение ее лица изменилось при этом прозвище. На секунду она снова выглядела шестнадцатилетней, нетерпеливой по отношению к нему, готовой обвинить его в подня-

тии шума. Затем это выражение исчезло, сменившись чем-то более старым и усталым.

- Ты вернулся, - сказала она.

- Я никогда не уходил.

- Это не одно и то же.

Клэр поймала Адриана за рукав. Ее хватка была достаточно крепкой, чтобы причинить боль. “Не переступай порог”, - прошептала она.

Елена посмотрела на нее. “Ты помнишь больше, чем думаешь, Клэр”.

- Я тебя не знаю.

- Однажды ты так и сделал.

Слова прозвучали как весомый факт, а не угроза. Клэр отпустила Адриана, хотя и не сделала шага вперед. Ее взгляд скользнул по лицу Елены, ища шрам или знакомый ракурс. Радио в комнате потрескивало позади них. На его циферблате красная стрелка дрожала между станциями.

Адриан сделал шаг к сестре. Пол под его ботинками был сухим. За порогом улица блестела от воды, которая висела в воздухе, как стекло. Разница между двумя пространствами была настолько четкой, что казалась не столько дверным проемом, сколько разрезом, сделанным в мире.

“Где ты был? - спросил он.

Елена оглянулась через плечо. “Куда-то город складывает то, что не может сохранить”.

“Что это значит?”

“Это значит, что тебе следует перестать задавать вопросы, как будто ответы помогут тебе справиться с этим”.

Резкость была настолько знакомой, что Адриан чуть не рассмеялся. Вместо этого он потянулся к ней.

В тот момент, когда его пальцы переступили порог, все фонари на затонувшей улице погасли.

Глубокая вибрация прокатилась по маяку. С потолка посыпалась пыль. Клэр потянула его назад за пальто, и Адриан споткнулся о сухие доски. Огни вернулись за дверью, один за другим, но Елена отступила на несколько шагов.

“Не прикасайся к раме”, - сказала она. “Не прикасайся, пока не поймешь, на чьей ты стороне”.

- Тогда расскажи мне.

“Я не могу рассказать тебе всего. Не во время прослушивания.”

Что-то двигалось в воде над улицей. Адриан поднял голову. Тень скользнула по затопленному небу, огромная и медленная, как корабль, плывущий над городом, который затонул на дне моря. Висящая вода наклонилась внутрь. На мгновение он увидел нижнюю часть корпуса, черную от времени, и ряды иллюминаторов, освещенных бледными человеческими лицами.

Затем изображение исчезло.

Клэр замерла. - Что значит подслушивать?

Елена посмотрела мимо них на радио. “Первый звук. Тот, который прозвучал перед сигналом”.

В динамике радиоприемника раздался тихий щелчок.

Мужской голос заполнил комнату. Адриан сразу узнал его, хотя он был старше голоса на пленке. Его собственный голос, изношенный годами и горем.

“Адриан, если ты это слышишь, значит, ты уже сделал неправильный выбор”.

Он повернулся к радио. - Кто это записал?

Елена покачала головой. “Ты сделал”.

Голос продолжал. “Не верь, что комната показывает тебе то, чего ты хочешь. Она показывает тебе то, что ты уже потерял. Дверь - это не путь назад. Это путь насквозь”.

Адриан уставился на сестру. - Ты сказала, что я вернулся.

“Я сказал, что ты вернулся. Я не говорил, что ты вернулся вовремя.

Радио выключилось. Где-то внутри маяка начали тикать часы. Каждое тиканье звучало как шаги по лестнице.

Клэр встала рядом с Адрианом, достаточно близко, чтобы ее плечо касалось его. “Нам нужно уходить”.

Елена кивнула, но теперь она смотрела на Клэр. “Ты должна снять фотографию со стены”.

- Какая фотография?

- Тот, где мы втроем стоим возле школы.

Лицо Клэр побледнело. - Я никогда не была в Сен-Вероне.

- Ты был там в ту ночь, когда сменились пластинки.

- Я бы запомнил.

“Это то, что город делает лучше всего”.

Дверь за спиной Елены начала сужаться. Края рамки втянулись внутрь, не физически, а так, как сжимается далекий пейзаж, когда поезд уносит тебя прочь от него. Затонувшая улица замерцала. Над плечом Елены появилась вывеска магазина: MARÉES, белыми буквами на синем стекле. Адриан знал это название. Она принадлежала улице, где его семья жила до исчезновения, хотя на всех официальных картах говорилось, что этой улицы никогда не существовало.

“Елена!” Он снова шагнул вперед.

Она подняла руку. “Найди комнату под архивом. Найди оригинальную запись. И не позволяй Уорду забрать ключ.

“Какой ключ?”

Но Елена уже исчезала, плащ превратился в желтое пятно в темноте. Ее последние слова донеслись издалека, куда не позволяла улица.

“Спроси папу, что он слышал перед смертью мамы”.

Дверь с треском захлопнулась.

Комната погрузилась в темноту. Клэр нашла руку Адриана и держала ее, пока не зажглась аварийная лампа над лестницей. Он ощущал отсутствие сестры, как изменение давления в ушах.

На стене рядом с радиоприемником появилась фотография в рамке, которая несколько мгновений назад была пустой. Трое подростков стояли у входа в школу: шестнадцатилетний Адриан, смеющаяся Елена рядом с ним и темно-волосая девушка с фотоаппаратом на груди.

Клэр сделала один шаг к нему.

“Та девушка,” прошептала она. - Это я.

На фотографии Клэр улыбалась так, как будто она еще не научилась бояться того, что может запомнить камера.

До того, как появилась дверь, Адриан думал, что горе - это отдельная комната: тыходишь в нее один раз, а потом всю оставшуюся жизнь учишься выходить. Теперь он понял, что горе - это город. В нем были районы, переулки, запертые подвалы. Некоторые улицы вели в одно и то же мгновение, независимо от того, в каком направлении вы пошли.

Он стоял перед черной дверью еще долго после того, как Елена исчезла. Клэр больше не уговаривала его уйти. Она узнала, что ему нужно несколько секунд, чтобы осознать потерю, прежде чем он сможет оправиться от нее.

“Расскажи мне что-нибудь о ней”, - попросила Клэр.

- Я кое-что тебе о ней рассказывал.

“Факты. Не воспоминания, которые ты используешь, чтобы наказать себя. Расскажи мне что-нибудь обычное.

Он смотрел на нее, раздраженный вопросом, пока не понял, что у него нет готового ответа. Он мог бы пересказать ссору перед исчезновением Елены, время на часах, погоду, маршрут, которым он шел к маяку. Он мог бы описать каждую деталь поисков. Но до обычных вещей стало трудно дотянуться.

“Она терпеть не могла груши”, - сказал он наконец. “Не вкус. Текстура. Она сказала, что это фрукты, притворяющи-

еся мокрым песком”.

Клэр слегка улыбнулась. “Это хорошо”.

“Она обычно срывала этикетки с банок и наклеивала их не на те. Соль на сахар. Чай на муку. Мама потратила бы десять минут, пытаясь понять, почему у ее торта вкус моря”.

- Твоя мать знала, что это была Елена?

“Она всегда знала. Она притворялась, что не знает, потому что Елена думала, что она достаточно умна, чтобы одурачить всех”.

Впервые воспоминание пришло без обычного острия ножа. Он представил свою сестру за кухонной стойкой, плечи ее тряслись от смеха, в то время как их мать с театральным подозрением разглядывала банку сахара. Это причиняло боль, но не требовало наказания.

Клэр внимательно наблюдала за ним. “Это та версия ее, которую тебе нужно сохранить”.

- Мне нужно найти ее.

- Ты можешь сделать и то, и другое.

Он хотел возразить, но по полу прокатилась слабая вибрация. Черная дверь задрожала в своей раме. На циферблате радиоприемника красная стрелка двигалась сама по себе, пока не указала на частоту, отмеченную только маленькой белой линией.

Клэр достала фотоаппарат и сфотографировала циферблат. Дисплей камеры мигнул, затем показал изображение маяка снаружи. На снимке башня стояла под ясным летним

небом. На дамбе была видна девушка в желтом пальто, но она стояла лицом в сторону от воды.

“Смотри”, - сказала Клэр.

На фотографии вторая фигура стояла позади девушки. Мужчина в темном пальто, одна рука поднята в сторону двери маяка.

Адриан узнал своего отца.

Изображение на экране камеры появилось на мгновение, затем изменилось. Лицо Дэниела сменилось лицом Адриана постарше, тем, что было на будущей фотографии. Пожилой мужчина сейчас не предупреждал их. Он держал дверь открытой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.